

Решение Верховный Суд - Гражданская Палата от 13 марта 2014 г. I CSK 274/13

Резолютивная Часть

Верховный Суд по делу возбужденному Яцеком Дж. против Марека Г. о взыскании денежных средств, изучив на закрытом заседании в Гражданской Палате 13 марта 2014 года кассационную жалобу истца на решение Окружного Суда в Варшаве от 11 декабря 2012 года, номер акт V Са 2249/12, отменил решение апелляционной инстанции и решение Районного Суда в В. от 15 февраля 2012, номер акт I С 477/10, и направил дело в суд на новое рассмотрение, а также принятие решения о расходах за апелляционное и кассационное разбирательство.

Обоснование

Составленным лично Яцеком Дж. иском от 12 мая 2010 года, который был подан в суд 18 мая 2010 года, истец просил обязать Марека Г. уплатить истцу 66.748,50 польских злотых. В обосновании иска истец заявил, что 31 июля 2009 года в Дубае ответчик представил себя в качестве исполнительного директора и партнера общества Л. и сделал истцу предложение занять функцию директора, координирующего деятельность компании в Объединенных Арабских Эмиратах. Истец принял это предложение о работе и на основании подписанного сторонами договора приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. Ответчик просочился с выплатой вознаграждения, переносил дальнейшие даты выплаты и наконец, он не выплатил истцу ни одного злотого.

Вскоре истец узнал, что ответчик не является партнером общества Л., но тестем Роберта Р. – владелица общества Р. в Т. У него никогда не было доверенности от этих компаний на заключение договоров и совершил мошенничество против истца. Марек Г. был арестован в Дубае за неопределенные злоупотребления. Истец утверждал, что не получал вознаграждение за период с 27 июля 2009 года по 12 октября 2009 года, которое после пересчета иностранной валюты в злотые составляет 20.317,50 злотых. Он также отметил, что остальная часть заявленной суммы была возмещением расходов, предусмотренных в контракте и связанных с его пребыванием в Дубае до конца февраля 2010 года. В своем иске он сослался на подробный письменный расчет расходов, указывающий, что они были причинно связаны с договором сторон, а также с поведением ответчика.

Заочным решением от 13 января 2011 года Районный Суд в Варшаве удовлетворил иск полностью. В своей жалобе ответчик указал на то, что он не был надлежащим образом уведомлен о дате заседания и, ему не была вручена копия искового заявления. Он указал, что сумма присуждена истцу заочным решением не причитываться истцу, и потребовал, чтобы Суд предоставил ему возможность представить соответствующие доказательства. Назначенный ответчиком адвокат в судебном заседании 3 августа 2011 года, потребовал отклонения иска в связи с отсутствием правовых оснований для предъявления иска.

В судебном заседании 5 октября 2011 года адвокат ответчика заявил о «ненадлежащем определении ответчика», утверждал о юрисдикции суда по трудовым спорам, а также указал, что если основанием для иска была ст. 415 ГК, то он оспаривает размер компенсации. В ответ адвокат истца указал, что эти утверждения являются необоснованными. Он заявил, что Яцек Дж. исполнял обязанности в отношении ответчика Марека Г., а не компании Л.

Решением от 15 февраля 2012 года Окружной Суд в Варшаве отменил заочное решение и отклонил иск. Он установил, что истец работал в Дубае в течение многих лет и что в середине августа 2009 года ему заканчивался контракт. Его друзья познакомили его с ответчиком, который стался владельцем компании Л., зарегистрированной в Дубае. Истец встретился с ответчиком, с которым он начал переговоры о сотрудничестве. Наконец, Яцек Дж. составил письменное предложение о работе, и участники судебного процесса подписали данный документ 31 июля 2007 года.

На основании данного договора истец должен был занимать должность директора с обязанностями по управлению и ведению отчетности о деятельности компании. Кроме того, он должен отвечать за надзор и управление работами, связанными с ремонтом виллы Уршули О. В пункте Б контракта находилось условное подписание окончательного договора «контракта», что должно наступить с завершением приобретения 100% акций общества Л. Мареком Г. По данному договору истцу должно было быть передано 3% акций общества и определено вознаграждение. Стороны договорились в последнем положении, что после акцепта истцом указанного в договоре объема обязательств и финансовых условий, а также приобретения ответчиком 100% акций компании Л., между сторонами будет подписан один договор.

Затем истец выехал 15 августа 2009 года из Дубая, отправляясь в запланированный отпуск. После возвращения, несмотря на то, что стороны не подписали договор, 23 сентября 2009 года Яцек Дж. приступил к выполнению работ в объеме указанном в соглашении заключенном сторонами под названием «предложение о работе».

В ходе выполнения обязанностей возникли проблемы, связаны с контактом с ответчиком, который не отвечал на звонки. Ввиду такого подхода Марека Г., 1 ноября 2009 г. истец направил ему письмо, в котором сообщалось, что он считает, что сотрудничество будет прекращено 28 октября 2009 г. Яцек Дж. Оставался в Дубае до 15 ноября 2009 г. и пытался склонить ответчика выплатить ему вознаграждение. После возвращения в Польшу, до марта 2010 года он попытался мирно урегулировать спор. Находясь в стране Яцек Дж. в разговоре с Мацеём К. узнал, что ответчик не является владельцем Л., а его владельцем является его зять Роберт Р.

Суд первой инстанции установил, что истец подал иск против лица, которое не должно быть ответчиком по делу. Он выразил мнение, что сторонами договора являлись Яцек Дж. и компания Л., представленная Марком Г. Суд указал, что истец мог подать заявление о привлечении к делу данной компании в соответствии с пунктом 1 статьи 194 Гражданского Процессуального Кодекса, но истец этого не сделал. По его мнению, Яцек Дж. основывал иск только на договоре, подписанном истцом и ответчиком; не указывалось никаких иных фактических и правовых оснований. В результате он пришел к выводу, что у ответчика нет правовой способности выступать в деле в таком характере.

В апелляции, также составленной лично, истец обвинил суд в не рассмотрении дела по существу и ограничении действий до проверки способности ответчика на участие в деле, установленной на основании предполагаемого договора между истцом и компанией Л. Он заявил, что в своих показаниях, данных на заседании 5 октября 2011 года, он указал на обстоятельства заключения договора с ответчиком, который обманом пытался сделать истца директором компании Л., без каких-либо полномочий компании. Поэтому он не был уполномочен заключать договор от имени компании; тот факт, что ответчик обманул его, не означает, что между сторонами не было никакого договора. Ссылаясь на показания свидетеля Роберта Р., ответчик указал на то, что только ответчик действительно выиграл от своих действий и поэтому должен платить.

Окружной Суд в Варшаве решением от 11 декабря 2012 года отклонил апелляцию истца, посчитав правильными выводы Суда первой инстанции. Хотя апелляционный Суд разделил мнение истца о том, что Суд первой инстанции слишком много внимания уделил вопросу способности ответчика на участие в деле при этом, не анализируя иск с точки зрения оснований иска, то тем не менее это не влияет на оценку, что иск был необоснованным.

Суд указал, что бремя доказывания (статья 6 Гражданского Кодекса) возлагается на сторону, которая пытается вывести положительное для себя юридические последствия из определенных обстоятельств. Таким образом, истец был обязан доказать как обоснованность, так и сумму иска. Суд указал, что истец не справился с этой обязанностью.

Он выразил свое мнение о том, что в данном деле истец требовал указанной в иске суммы на основании заключенного между сторонами договора оказания услуг. Он отметил, что с другой стороны истец ссылался на введение его в заблуждение, обман касательно полномочий ответчика действовать от имени организации, которой ответчик фактически никогда не представлял. Поэтому он выразил свое мнение о том, что требование истца характеризовалось внутренним противоречием, и пришел к выводу, что стороны не были связаны каким-либо договором, который мог бы стать источником и основанием для ответственности ответчика.

В свою очередь, ссылаясь на содержание показаний ответчика суд указал, что ответчик он не ставит под сомнение «обоснованность деликтной ответственности и требует только доказать сумму ущерба».

Суд указал, что в соответствии с содержанием статьи 103 ГК, действительность договора, заключенного доверенным лицом, которое не уполномочено, зависит от подтверждения договора лицом от имени которого он был заключен. Поскольку предложение о работе не было подтверждено Л., оно не может привести к каким-либо юридическим последствиям и является недействительным договором. Он выразил мнение, что действия, предпринятые истцом, связанные с осуществлением деятельности в пользу Л., не имеют реальной правовой основы «из-за отсутствия обязательства по их предоставлению». В то же время он подчеркнул не имеет значения позиция истца, что в отсутствие правовых отношений с компанией Л. из-за того, что истец был введен в заблуждение ответчиком, возникли отношения с идентичным содержанием между сторонами судебного дела. По этой причине он установил, что истец не имел права предъявить ответчику сформулированные в иске требования, основанием которых была ст. 750 ГК.

Он выразил мнение о том, что рассмотрение дела ограничивается рамками заявленных требований, что в то же время подразумевает сферу действия судебного органа в ходе производства; суд также может удовлетворить иск на иной юридической основе, чем та, которая указана истцом, однако только если она не выходит за рамки фактической основы изложенной в иске. Ответчик защищается в той мере, в которой это вытекает не только из фактов, но и из указанной правовой основы. Статья 321 § 1 Гражданского Процессуального Кодекса содержит запрет на вынесение решения выше или вне заявленных требований. По его мнению, суд не может решать вопрос требования, даже если приведенные истцом факты означают, что у него еще есть другое требование.

Он также отметил, что определение фактов судом может осуществляться с использованием презумпции, но данный вывод должен быть логически обоснованным, основанный на установленных фактах, а также давать полное основание утверждать, что факт, который имел значение в деле действительно имел место. По его мнению, такие выводы нельзя сделать из других несомненно установленных фактов.

Истец в кассационной жалобе заявляет о нарушении ст. 6 ГК путем установления ошибочного вывода, что истец не выполнил указанное в данной статье обязательство доказать требования к ответчику, ст. 103 § 3 ГК путем неприменения и установлением, что в ходе разбирательства ответчик не может нести ответственность за причинение истцу ущерба из-за введение истца в заблуждение относительно обладания соответствующими полномочиями на представление компании Л.; Ст. 471 ГК путем ей неприменения, несмотря на то, что истец представил доказательства подтверждающие, что он принял от ответчика приказ на выполнение конкретных работ; Ст. 750 ГК путем ошибочного установления, что все заявленные истцом требования вытекают из договора о оказания услуг, что противоречит содержанию иска и изложенным в нем фактам.

В качестве процессуальных нарушений истец указал на то, что суд нарушил:

Ст. 194 § 1 ГПК, основывая обжалуемое решение на ошибочной позиции, что иск не был предъявлен лицу, которое должно быть выступать ответчиком в деле; Ст. 210 § 2 ГПК и ст. 221 ГПК в сочетании из ст. 382 ГПК, сохранив решение Суда первой инстанции, в котором не учитывался тот факт, что ответчик не сделал заявления относительно правовой основы требований истца, а также не вступил в спор по существу, чем фактически признал позицию истца; Ст. 229 ГПК, ст. 230 ГПК, ст. 231 ГПК и 302 § 1 ГПК путем вынесения оспариваемого решения, несмотря на то, что ответчик на любом этапе разбирательства "не отрицал" обоснованность иска; Ст. 321 § 1 ГПК и ст. 382 ГПК, ошибочно установив, что требование о возмещении убытков за неисполнение заключенного между сторонами договора и возмещение убытков за введение в заблуждение истца относительно обладания соответствующими полномочиями представлять компанию Л., не являются требованиями в рамках иска; Ст. 322 ГПК путем неприменения, несмотря на то, что есть совпадения требований из разных правовых основ; Ст. 343¹ ГПК не отменив решения Районного Суда в Г., Ст. 382 ГПК в сочетании из ст. 231 ГПК, ст. 232 ГПК и ст. 233 ГПК в сочетании из ст. 103 § 3 ГК и ст. 471 ГК и ст. 6 ГК, путем не принятия во внимание Окружным Судом факта, что истец представил доказательства, из которых вытекает презумпция неисполнения ответчиком договора, а также того факта, что ответчик никогда не имел полномочий действовать от имени компании Л., и эта компания не подтвердила заключенный ответчиком договор; Ст. 382 ГПК в сочетании из ст. 316 ГПК и ст. 344 § 2 ГПК, сохранив решение Суда первой инстанции, вынесенное в результате

подачи ответчиком возражения против заочного решения от 13 января 2011 года, в котором ответчик дал ложные показания и помимо того, что в ходе дальнейшего рассмотрения дела ответчик по умолчанию признал, что обманул Суд первой инстанции; Ст. 386 § 4 ГПК путем не отменены решения Суда первой инстанции, несмотря на тот факт, что данной суд не рассмотрел дела по существу - прежде всего в отношении таких важных фактов, как отсутствие общества Л., отсутствие связи между ответчиком и данной компанией, а также источников требований вытекающих из между сторонами судебного разбирательства.

Верховный Суд пришел к следующим выводам:

Утверждение о нарушении пункта 1 статьи 194 ГПК было необоснованным по той причине, что Районный Суд не применил данное положение; отсутствовали всякие основания привлечь общество Л. в качестве ответчика, поскольку ни истец, ни ответчик не просили привлечь данное общество к участию в деле в качестве ответчика.

Вопреки позиции истца, ответчик в возражении против заочного решения вступил в спор по существу, поскольку он утверждал, что присужденная денежная квота является суммой, которая не должна причитываться истцу. Кроме того, назначенный ответчиком адвокат на заседании 3 августа 2011 года, потребовал отклонения иска в связи с отсутствием правовых оснований для его удовлетворения. Он также предъявил возражения относительно заявлений истца в судебном заседании 5 октября 2011 года, поскольку он утверждал, что если бы указанные в иске факты были классифицированы как деликт (статья 415 Гражданского Кодекса), то он вставляет под сомнение размер компенсации. Поэтому заявления о нарушении ст. 210 § 2 и ст. 221 в связи со ст. 382 ГПК были необоснованными.

Статья 229 ГПК ставит о признании фактов, ст. 230 ГПК относится к бесспорным фактам, а в свою очередь ст. 231 ГПК относится к презумпции фактов, которая заключается в том, что суд может рассматривать в качестве установленных фактов имеющих существенное значение для разрешения дела, если такой вывод можно сделать из других установленных фактов. Статья 302 § 1 определяет, когда суд может принимать в качестве доказательства показания одной из сторон. Нарушение этих положений не могло иметь место путем отклонения иска, даже если ответчик на какой-либо стадии разбирательства не отклонял требования истца по принципу. Отрицание фактической основы - это утверждение знания. С другой стороны, признание иска даже в принципе является диспозитивным процессуальным действием ответчика (например, решение Верховного Суда от 18 марта 2011 года, III CSK 127/10, OSNC 2012, № 1, пункт 17 и от 9 ноября 2011 года, CSK ЦСК 671/10). Также признание стороной определенных обстоятельств (статья 229 ГПК) является заявлением о знании, тогда как признание иска - это действие, в котором содержатся не только элементы заявлений о знании, но и декларация воли. Вопреки позиции истца, ответчик не признал иск даже в принципе, поскольку он просил, чтобы отклонить иск. Признание иска регулируется ст. 213 § 2 ГПК, которая не была указана истцом, и даже по этой причине третье кассационное возражение (нарушение) не было обоснованным.

Истец подал в суд на Марека Г. как на физическое лицо, а не на компанию Л. Поскольку решение было вынесено в отношении ответчика выступающего в качестве физического лица, обладающего судебной и процессуальной дееспособностью, то, разумеется, не было никаких причин отменять решение на том основании, что компания не существует. Следовательно, заявление о нарушении 343¹ ГПК было необоснованным.

Вопреки позиции истца, ответчик не признал, что он обманул ответчика или Суд первой инстанции. Такое обоснование возражений не подпадает под гипотезу положений, содержащихся в ст. 382 в связи со ст. 316 ГПК. Следует признать, что в возражении против заочного решения ответчик не представил фактов и доказательств, подтверждающих материальное заявление о том, что присужденная решением сумма не причитается истцу, тем не менее, такая позиция и действия его представителя в отношении фактов изложенных истцом в ходе заседания должны быть оценены в рамках установленных ст. 230 и ст. 231 ГПК.

На основании ст. 187 § 1 и ст. 321 § 1 ГПК, истец не был обязан указывать правовую основу своих требований (*da mihi factum dabo tibi ius* или *iura novit curia*). Другими словами, стороны не обязаны указывать правовые положения, потому что правовой статус фактов, установленных в результате проведения судебного разбирательства обрабатывается судом, определяет суд (например, постановление Верховного Суда от 2 мая 1957 года, CR 305/57, OSN 1958, пункт 72). С этой точки зрения, нет принципиальной разницы в том, выступает ли сторона самостоятельно или через профессионального представителя.

Однако указание истцом материального права являющегося основой иска, хотя и не требуется, не остается без значения для хода и результата дела потому, что косвенно определяет, какие существенные факты в первую очередь обосновывают иск (например, решения Верховного Суда от 23 февраля 1999 года, I SKN 252/98, OSNC 1999, № 9, пункт 152, от 11 марта 2011 года, II CSK 402/10, OSNC 2012, № 1, пункт 16 и 14 января, 2004, я СК 42/03). Тем не менее, нельзя предполагать, что указание конкретной правовой основы означает, что истец подаёт под рассмотрение только те факты, которые могут служить применению указанного материального права. Назначение истцом фактической основы требования, которая может быть квалифицирована в соответствии с различными правовыми основаниями, оправдывает рассмотрение судом всех основ, а применение одной из них, даже если она отличается от приведенной истцом, не оправдывает утверждение о нарушении ст. 321 § 1 ГПК (например, решение Верховного Суда от 25 октября 1937 года, II C 1174/37, 1938, № 7, пункт 334).

Окружной Суд не обратил внимания на то, что истец ни в иске, ни в ходе разбирательства в Суде первой инстанции или апелляционной инстанции не указал на правовое основание в отношении заявленного фактического обоснования своего иска. В судебном заседании 5 октября 2011 года только представитель ответчика утверждал, что если требование истца будет удовлетворено на основании ст. 415 ГК, то он оспаривает размер компенсации. При таком положении дел рассматриваемые дело суды были обязаны оценивать фактическое основание требований точки зрения их классификации по всем возможным нормам материального права. Таким образом, Суд второй инстанции в значительной степени нарушил, то есть в такой степени, которая могла повлиять на исход дела, ст. 321 ГПК неправильно полагая, что он не мог решать заявленного истцом денежного требования, даже если факты, на которые ссылается истец, подразумевают, что он имеет право на требуемую сумму полностью или частично на иной основании, чем договор оказания услуг.

В любом случае, у Верховного Суда нет оснований оценивать, так называемое предложение от 31 июля 2007 г., подписанное сторонами разбирательства, независимо от того, было ли оно действительным договором оказания услуг либо трудовым договором, поскольку его содержание не было упомянуто в выводах и не было истолковано. Конечно, юридическая квалификация

данного документа, как уже ясно из приведенных замечаний, независимо от позиции сторон, совершается судами рассматриваемы дело по существу.

Поскольку иск был подан до 3 мая 2012 года, закон от 16 сентября 2011 года о внесении изменений в закон - Гражданский процессуальный кодекс и некоторые законы (Законодательный вестник № 233, пункт 1381) не применялся в этом деле (пункт 1 статьи 1 и пункт 1 статьи 9 данного закона). Следовательно, иск истца был основан на фактических обстоятельствах, обосновывающих требование, изложенных в исковом заявлении а также в ходе разбирательства, вплоть до завершения заседания в первой инстанции (пункт 1 статьи 217 ГПК), что также не было учтено Окружным Судом. Другими словами, исходя из правовых положений применимых к данному делу, в исковом заявлении фактическое основание могло не быть представленным в полных пределах.

В результате необходимо было принять во внимание, что сам истец утверждал в иске, что так называемые предложение о работе, подписанное сторонами судебного разбирательства, не могло являться действительным обязательством, поскольку ответчик не был связан с компанией Л. и никогда не имел права заключать договоры от ее имени. Окружной Суд пришел к такому же выводу, хотя и не извлек из него никаких юридических последствий, в частности из заявления истца о том, что действия ответчика, включая заключение данной сделки, исчерпали признаки мошенничества. В это время, также событие в форме заключения сделки может представлять собой незаконное действие (например, решения Верховного Суда от 28 апреля 1964 года, II CR 540/63, OSNC 1965, № 2, пункт 32, от 5 декабря 2007 года I CSK 303/07 и от 9 марта 2012 года, I CSK 300/11). Данной вопрос, из-за ошибочной позиции об отсутствии иного источника ответственности ответчика нежели договор, не был предметом рассмотрения в Судах первой и второй инстанций.

При рассмотрению дел суды также не обратили внимания на то, что истец представил подробной перечень своих действий, предпринятых в результате действий ответчика, что несомненно могло нанести истцу ущерб, а ответчик вообще не ссылаясь на них (статья 230 ГПК), хотя они были подтверждены личными документами. Кроме того, если Районный Суд действительно в форме доказательства заслушал бы истца по существенным для дела обстоятельствам, то он также должен заслушать его в отношении его заявлений о размере ущерба, что не случилось.

Также возможно - вопреки позиции Суда второй инстанции - признать доказанными факты на основании презумпции. Они упрощают получение доказательств, хотя не соответствуют системным требованиям и всестороннему рассмотрению претензий. Предполагается, что дальнейшая проверка правильности заявления не приведет к выводу, что оно было ложным (например, постановление Верховного Суда от 28 сентября 2005 г., I СК 114/05). Следует также помнить, что при использовании фактической презумпции правила жизненного опыта играют важную роль наряду с правилами логики, поскольку фактическая презумпция не должна противоречить этим принципам (решение Верховного Суда от 22 января 1998 года, II UKN 465/97, 1999, № 1, пункт 24). Следует также отметить, что фактическая презумпция, основанная на знаниях и опыте судьи, может быть отменена путем демонстрации неправильности данного вывода, который может заключаться в том, что факт, принятый судом в качестве основания для решения вопроса о другом факте, не был установлен, или что факты, составляющие основу фактической презумпции с точки зрения знаний и жизненного опыта не оправдывают сделанный из них вывод (решения Верховного суда от 16 апреля 1986 года, I CR 34/86, TSO 1987, № 5, пункт 125 и от 30 марта 2000 года, III SKN 811/98).

Несмотря на то, что в данном деле существует так называемый иностранный элемент, ни Суд первой инстанции, ни Суд второй инстанции не рассмотрели вопрос о юрисдикции и вопрос какое материальное право должно применяться в данном деле. Поскольку в период с 1 июля 2009 года до 1 марта 2010 года Польша с Объединенными Арабскими Эмиратами не была связана международным соглашением (до настоящего времени 22 апреля 2012 года было заключено только межправительственное соглашение между Правительством Республики Польша и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов по вопросам экономического сотрудничества, М.П. 2013, ст. 785) и местом жительства ответчика была и является Польша, основанием для определения юрисдикции по делу может служить ст. 1103 ГПК.

Рассматриваемые дело по существу суды *ex officio* применяют соответствующие материальное право (например, решение Верховного Суда от 17 октября 2008 г., I CSK 105/08, OSNC 2009, № 11, пункт 153 и от 3 марта 20011 г., II PK 208). Следовательно, необходимо было решить, применяется ли материальное польское право или иностранное право к оценке заявленных требований. Закон от 4 февраля 2011 года - Международное частное право (Законодательный вестник № 80, пункт 432) был опубликован 15 апреля 2011 года и вступил в силу, за исключением ст. 63 по истечении 30 дней с момента его публикации (статья 81, далее «МЧП») и отменил Закон от 12 ноября 1965 года - Международное частное право (Законодательный вестник № 46, пункт 290, с изменениями, "МЧП65").

Согласно ст. 28 МЧП право применимое к договорному обязательству, в настоящее время определяет Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 года о праве применимом к договорным обязательствам (Рим I) (Официальный журнал L 177 от 4.07.2008, стр. 6). Согласно ст. 28 данного регламента (Рим I) он заменил Римскую Конвенцию о праве, применимом к договорным обязательствам (О.Ж. от 2008 г. № 10, пункт 57). Римская Конвенция применялась в Польше (решение Верховного суда от 29 ноября 2012 г., II CSK 96/12) к договорам, заключенным с 6 февраля 2008 г. по 16 декабря 2009 г. (статья 17). Следует помнить, что положения Конвенции носили универсальный характер, т.е. указанное ими право применялось независимо от того, является ли оно правом Договаривающегося государства (статья 2). Римская Конвенция, как международное соглашение, ратифицированное с выраженном законом предварительным согласием, имела приоритет над национальными нормами коллизионного права, то есть ст. 25-29 МЧП 65.

Согласно ст. 33 МЧП право применимое к обязательству, вытекающему из события не являющегося сделкой, определяется Регламентом (ЕС) № 864/2007/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 года о праве, применимом к недоговорным обязательствам («Рим II») (О.Ж. EU L 199, 31.07.2007, стр. 40). Регламент применяется к событиям, причинившим ущерб, которые произошли с момента его вступления в силу, то есть с 11 января 2009 года включительно. Это регулирование исключило соответствующие национальные коллизионные нормы международного частного права. Данной акт имеет общее применение в том смысле, что указанный в нем закон применяется независимо от того, является ли он законом государства-члена (статья 3). К деликтам в первую очередь относится ст. 4 Регламента. В данном случае применяется законодательство страны, в которой возникает ущерб, - независимо от страны, в которой произошло событие причинившее ущерб, и независимо от страны или стран, в которых появляются косвенные последствия этого события (пункт 1); однако, если лицо, на которое возложена ответственность и потерпевшая сторона имеют, во время причинения ущерба,

обычное место пребывания в той же стране, применяется законодательство этой страны (пункт 2). Также важно помнить пункт о наиболее тесной связи (пункт 3).

Местом обычного пребывания физического лица, действующего в рамках его предпринимательской деятельности, является место, где находится его основное предприятие (пункт 2 статьи 23 Регламента Рим II). Однако Регламент не определяет понятие «обычное пребывание» в отношении физического лица, на которое не распространяется гипотеза данного положения. Подобно условиям Гагской Конвенции, термин «обычное пребывание» относится только к фактам, а не к юридическим вопросам. Его следует понимать как реальной центр жизни данного физического лица (решение Верховного суда от 26 сентября 2000 года, I SKN 776/00, OSNC 2000, № 3, пункт 38).

В литературе правильно указано, что в отличие от договорных обязательств в случае недоговорной ответственности на практике правилом является отсутствие выбора права. Основанием для установления привязки являются фактические обстоятельства, которые суд считает доказанными, а не фактические требования самих сторон. Указанная сторонами правовая основа исковых требований на самом деле не является предметом данной квалификации, поскольку данной предмет состоит не из правовых отношений, а фактических обстоятельств, например, не имеет значения обстоятельство, что в соответствии с правом, которое истец считает применимым, заключённое между сторонами соглашение является действительным.

Определение применимого материального права происходит в отрыве от оценки обоснованности предъявленных истцом требований, т.е. о данной квалификации не решает, требует ли истец удовлетворить требование, указывая на недействительность договора или считает его действительным. Другими словами, если существование и действительность договора оспариваются, и истец требует исполнения требований на основании договора, то только на основании данного требования нельзя предполагать, что указание на применимое право должно осуществляться посредством договорной привязки. С другой стороны, иск о возмещении ущерба в результате деликта не означает, что применимое право будет определено деликтной привязкой, а не договорной привязкой, если деликт более тесно связан с заключённым между сторонами договором, чем с государством, в котором был причинен ущерб.

Следует помнить, что отнесение данных фактических обстоятельств (субсумпция) к сфере действия данной нормы коллизионного права не предопределяет применения конкретных положений соответствующего материального права. Из них следует использовать все те, которые охватывают данные фактические обстоятельства. Применение нормы коллизионного права касающейся контрактов может привести к применению не только тех положений применимого права, которые касаются контрактов, но и тех, которые касаются неосновательного обогащения или деликтов. Коллизионные нормы не определяют тот или иной вид ответственности, а указывают на то, будет ли применимое право указано договорной, деликтной или иной привязкой. Другими словами, коллизионная норма указывает на право, наиболее тесно связанное с данными фактическими обстоятельствами, и ей применение означает не выбор между двумя типами ответственности, а выбор между использованием такой, а не другой привязки.

Учитывая вышеизложенные замечания, нельзя было опровергнуть совершение Судом второй инстанции нарушение ст. 386 § 4 ГПК. Судебная практика Верховного Суда единообразно предполагает, что дело не рассмотрено если решение Суда первой инстанции не ссылается на то, что являлось предметом дела, когда он не рассмотрел материально-правовые основания иска или

существенных возражений стороны, необоснованно предполагая наличие материально правовой или процессуальной предпосылки для уничтожения требования (решение Верховного Суда от 9 января 1936 года, С 1839/36, Zb. О. 1936, пункт 315, решение Верховного Суда от 23 сентября 1998 года, II SKN 897 / 97, OSNC 1999, № 1, пункт 22 от 15 июля 1998 года, II SKN 838/97 от 3 февраля 1999 года, III SKN 151/98, решения Верховного Суда от 12 февраля 2002 года, I SKN 486/00, OSP 2003, № 3, поз. 36 от 21 октября 2005 г., III SK 161/05 от 12 ноября 2007 г., I PK 140/07, ОСНП 2009, № 1 -2, пункт 2, и от 23 сентября 1998 года, II SKN 897/97, OSNC 1999, № 1, пункт 22).

Обстоятельство, что суд первой инстанции не рассмотрел дела по существу возникает в частности, в случае отклонения иска из-за определения отсутствия процессуальной правоспособности у ответчика, что произошло в рассматриваемом деле. Следует добавить, что Суд первой инстанции, несмотря на наличие иностранного элемента, не рассмотрел вопроса юрисдикции и вопроса применяется ли материального право Польши или иностранное право.

Обоснованность нарушения процессуального права освобождает Верховный Суд от обязанности рассматривать заявления о нарушении норм материального права (решение Верховного Суда от 26 марта 1997 года, II SKN 60/97, OSNC 1997, № 9, пункт 128).

По вышеуказанным причинам Верховный Суд вынес решение, указанное в резолютивной части решения (статья 398¹⁵ ГПК).